

A young man and woman are shown in a close embrace, about to kiss. The woman has blonde hair and is wearing a white t-shirt. The man has dark hair and is wearing a light blue t-shirt. They are in a subway station, with a train visible in the background. The scene is lit with warm, soft light.

Ксения Куприна

*Лучше Таньки
нету*

Ксения Куприна

Лучше Таньки нету

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71941876

SelfPub; 2025

Аннотация

Он и Она заканчивают школу. Языкастые всеведущие бабули из дворового женсовета присвоили им почётное звание жениха и невесты. Но самый симпатичный парень во дворе нравится не только Ей.

Содержание

1. Илья	4
2. Таня	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ксения Куприна

Лучше Таньки нету

1. Илья

Во время стоянки поезда в Омске я вышел подышать свежим воздухом и размять изнывавшие по движению и накопившие усталость от вынужденного бездействия в дальней дороге ноги. Просто прохаживался туда и обратно вдоль перрона и наблюдал за посадкой тех пассажиров, кто уже завершил своё путешествие и прибыл в желаемый пункт назначения, и посадкой отправляющихся в неизвестность долгого пути, пока ещё ожидавшую их впереди. Добавляя себе впечатлений доступным развлечением, наблюдал со стороны за тем, как ведут себя провожающие и встречающие кого-то на вокзале. Мне хотелось почувствовать, что движет всеми этими людьми, угадать их предысторию.

Тем временем небо наливалось свинцом грозовых туч. Где-то вдалеке сверкали молнии, и оттуда доносились гулкие раскаты грома. В воздухе отчётливо пахло надвигающейся грозой, обещающей принести с собой долгожданную прохладу льющейся с неба воды, которую с одинаковым нетерпением ожидали как жаждущие деревья и травы, так и раскалённый под палящим летним солнцем асфальт.

Неотвратимо подходило к концу время стоянки поезда. Я уже возвращался в купе, когда мои глаза на долю секунды встретили взгляд серых глаз стройной юной девушки со светло-русыми волосами. Она была одета в джинсы с белой футболкой. Ничего необычного, просто традиционный наряд путешественницы. Казалось, что незнакомка кого-то высматривает среди народа на перроне, но уже окончательно потеряла надежду дождаться, если судить по затаённой в глубине красивых глаз грусти. До завершения посадки оставалось чуть больше пяти минут. Пора было возвращаться в купе. Но внезапно у меня за спиной раздался крик какого-то парня:

– Таня. Таня! Я здесь!

Взгляд незнакомки метнулся в направлении громкого звука, и её лицо осветила улыбка. Вот так-то лучше. Грусть никому не к лицу. Я обернулся на источник шума и увидел, как мимо меня вихрем промчался темноволосый парень. Он бросился к ожидавшей его так долго и почти потерявшей надежду и заключил её в свои объятия. Она обняла молодого человека за плечи и вжалась в него всем телом. Его руки с неопишуемой нежностью обхватили лицо девушки, после чего та вздрогнула, как от болезненного удара током, и посмотрела в глаза молодого человека. Их губы встретились в завораживающем огненном поцелуе.

Не являюсь любителем подглядывать за чужими проявлениями чувств, но, как ни старался, так и не смог отвести

глаз от этой пары. Они выглядели так, словно отключились от всего происходящего вокруг и сосредоточились исключительно друг на друге. Парень, очевидно, оставался в Омске. Девушка уезжала без него. Надолго, если не навсегда. В их распоряжении было всего лишь пять минут до отправления поезда. «Даже в эти пять минут можно сделать очень много», – пела когда-то давно Людмила Гурченко в фильме «Карнавальная ночь». И эти двое стремились компенсировать минимальное количество отведённого им времени максимальным качеством поцелуев. Я вернулся в вагон, но до самого отправления стоял и наблюдал за ними из окна. Поцелуи и объятия остановили громовые раскаты голоса проводницы, сообщившей о том, что поезд отправляется. Самое время поторопиться на посадку. После обмена прощальными словами незнакомка с видимым невероятным усилием оторвалась от молодого человека. Их руки разомкнулись. Девушка преодолела расстояние до поезда так, словно на её ногах были кандалы, причинявшие боль при каждом шаге.

Зайдя в вагон, незнакомка не отправилась прямиком в купе, а сразу же подошла к окну. Она стояла и смотрела на парня, оставшегося на перроне, не отрываясь. А я украдкой наблюдал за ней, заметив влагу на её щеке. Молодой человек тоже, не отрывая взгляда, смотрел на девушку. Оба молчали. Они уже сказали друг другу всё. Добавить было нечего. Лишь глаза продолжали безмолвный диалог.

Поезд тронулся, навсегда разрывая ещё совсем недавно

казавшуюся такой прочной незримую нить между ними. Пока он разгонялся, парень бежал рядом с окном, сквозь которое смотрела на него незнакомка. Но вскоре ему пришлось признать своё поражение в этой заведомо безнадёжной гонке и остановиться. Когда его фигура скрылась из поля зрения, девушка развернулась и, не обратив никакого внимания на меня, открыла дверь моего купе и зашла внутрь. Почти сразу она покинула его и направилась в сторону проводницы. Видимо, ей необходимо было получить бельё. А я вернулся на свою верхнюю полку, закрыл глаза и притворился спящим. Наш поезд летел через грозу. Сверкали зигзаги молний. Над головой грохотал гром. Всё заметнее и отчётливее становились звуки бьющих в стекло дождевых капель.

2. Таня

В купе я застелила верхнюю полку бельём, забралась на неё и отвернулась к стенке, оставшись наедине со своими невесёлыми мыслями. Как там Саша? Казалось, что моя одежда пропиталась его запахом. Никуда не делось и ощущение вкуса сашиных губ. Не хотелось думать о том, что ему предстоит первая брачная ночь и вся последующая жизнь с Ленкой. Но разум, увы, не подчинялся ни приказам, ни уговорам. Сожаление непрестанно кружило в голове, наводя морок уныния. Невыносимо трудно было сдерживать слёзы от бессилия что-то изменить. Хотелось разрыдаться в голос, но отсутствовала возможность даже всхлипнуть. Сосед по купе не должен знать, как хреново сейчас у меня на душе. Тёмно-русый парень лежал на соседней верхней полке и дремал. Попытки сделать над собой усилие и заснуть увенчались успехом. Мне удалось провалиться в сон примерно через полчаса борьбы с собой и беззвучного плача под убаюкивающий ритмичный стук колёс поезда.

Проснувшись, я отправилась в конец вагона. Нужно было умыться и устранить урон, который слёзы причинили моей внешности. Не следует демонстрировать своё печальное настроение незнакомым людям. Умывшись холодной водой, осмотрела себя в зеркало. Уже лучше. Пусть то, что невозможно изменить, остаётся в прошлом. Придётся заставлять

себя улыбаться, идти дальше и думать только о том хорошем, что ждёт впереди. Самое худшее, что может сейчас со мною случиться – это застрять в том, чего уже не исправить.

Вернувшись в купе, я заметила, что парень с соседней верхней полки уже проснулся. Он всё ещё лежал наверху, но взгляд больших серых глаз заинтересованно смотрел в направлении открывшейся двери. Судя по его реакции, увиденное ему понравилось.

Хотя аппетит отсутствовал, но настало время немножечко подкрепиться. Нижние полки были пока свободны, поэтому я достала сумку и начала выкладывать на столик продукты. Нехитрая дорожная снедь: жареная курица, яйца, хлеб, копчёная колбаса, сахар, соль в спичечном коробке. Села рядом со столиком и, заметив взгляд попутчика на выложенные продукты, спросила:

– Не желаете ли присоединиться к трапезе, молодой человек? – задала вопрос и улыбнулась, прекрасно понимая, что отказа не последует.

– С удовольствием составлю Вам компанию, сударыня, – улыбаясь, подыграл мне сосед. – Только руки сполосну.

После возвращения в купе парень сел напротив меня и представился:

– Илья.

– Татьяна.

– Приятно познакомиться. Итак, она звалась Татьяна, – процитировал Илья Александра Сергеевича. И, взглянув на

заставленный едой столик, спросил. – Мы будем и дальше выкать? Или перейдём на ты?

– Давай на ты. Так будет проще, – ответила я с улыбкой.

– Прости, Таня, мне нечего на стол положить. Я всё схомачил за время пути с Дальнего Востока, – признался Илья, чувствуя неловкость.

– Не переживай. У меня нет аппетита, а мама столько всего собрала в дорогу. Продукты могут испортиться, если их не съесть, – успокоила я молодого человека, сидящего напротив.

– Ну, тогда приступим. Приятного аппетита, гостеприимная хозяйка, – улыбнулся мне Илья.

– Кушайте гости дорогие. Чем богаты, тем и рады. Приятного аппетита, Илья, – произнесла я с ответной милой улыбкой.

Хотя Илья изо всех сил пытался не объесть «гостеприимную хозяйку», но молодой растущий организм взял своё, и половина моих запасов куриного мяса была уничтожена за один приём пищи. Я подозревала, что вторую уберегла только его скромность. Он сидел, переводя взгляд с недоеденной курицы на меня, нарезающую хлеб и колбасу для бутербродов.

– Заварка есть? – спросил он.

– Да, пакетики, – ответила я.

– Живём. Я сгоняю за кипятком, – и на этих словах Илья исчез за дверью купе, прихватив посуду, оставшуюся после

предыдущего чаепития. Вернулся он с двумя стаканами кипятка в подстаканниках и шоколадкой.

– У нас настоящий банкет. Даже шоколад к чаю есть, – обрадовалась я.

– Сгонял в вагон-ресторан. Надо же тебя как-то отблагодарить за хлеб-соль, – смущённо прокомментировал появление кондитерского изделия мой сосед по купе.

– Спасибо, Илья.

– Таня, куда ты едешь? – задал вопрос Илья во время чаепития.

– В Москву. А ты?

– Туда же, в столицу нашей Родины. Возвращаюсь домой из поездки на Сахалин. Всю жизнь мечтал увидеть Тихий Океан. А ты едешь учиться или работать?

– Подаю документы в столичные ВУЗы. Работу буду искать. Деньги на жизнь надо зарабатывать. Одной стипендии, если она будет, явно недостаточно для жизни в столице. А ты, Илья, работаешь или учишься?

– Отучился уже. В МГУ на журфаке. Сейчас работаю ведущим на радио и пишу статьи для сайта радиостанции, – ответил Илья и посмотрел на меня взглядом Кота в сапогах из Шрека. – Таня, прошу тебя, спаси меня. Я слишком молод, чтобы умереть лютой смертью от любопытства. Расскажи мне о нём.

– О ком? – в моём вопросе прозвучало удивление.

– О том молодом человеке. Я видел ваш поцелуй на пер-

роне. Он твой парень?

– Нет. Он мне теперь никто, – я проговорила эти слова каким-то тихим и бесцветным голосом, почувствовав ту степень боли, которую никогда раньше не испытывала.

Моё сердце по-прежнему билось, перекачивая кровь по венам и артериям. Но какая-то его часть осталась лежать на перроне омского вокзала в виде осколков. И тот из них, который застрял внутри, безжалостно резал меня без местной анестезии воспоминаниями о прошлом.

– Вот как. А был кем-то? Это от него ты уехала в Москву? – Илья продолжал задавать вопросы. – Знаешь, я не думаю, что переезд в Москву являлся твоей мечтой. Такие люди обычно сосредоточены на будущем. Они светятся от радости, представляют, что впереди их ждёт успех, головокружительная карьера. А у тебя вид запутавшейся в ловушке прошлого. Так выглядят люди, бегущие от чего-то или кого-то. Это бесполезно скрывать, глаза тебя всё равно выдают. Расскажи, что с тобой произошло. Моя жилетка к твоим услугам.

Стены вагонов движущихся поездов – немые свидетели, располагающие к откровениям. Мы оказываемся в небольшом купе-исповедальне рядом с незнакомым человеком, вероятность новой встречи с которым равна нулю. Общий путь от станции до станции – это всё, что нас связывает. И, повинувшись извечной человеческой потребности выговориться и быть услышанным, открываем попугачику тайны своей жиз-

ни во время совместной поездки. И глядя в светящиеся добротой глаза Ильи, я почувствовала, что с ним быть откровенной безопасно. Ему можно доверять, потому что мысль использовать что-то из сказанного против меня никогда не придёт в его голову. И чувства, так долго хранимые от всех в тайне, начали изливаться наружу потоком слов и воспоминаний, который было невозможно и не хотелось останавливать.

– Его зовут Саша. В последнем классе мы с ним сблизились настолько, что по отдельности нас уже никто себе не представлял. Ни родители, ни учителя, ни одноклассники, ни даже мы сами. С чьей-то лёгкой руки нашу пару стали называть Неразлучниками. Сидели на уроках за одной партой. На переменах Саша выгуливал меня за ручку в школьном коридоре. В школу и обратно тоже ходили вместе, потому что жили в соседних подъездах. Во дворе также гуляли вместе.

Языкастые всеведущие бабули из дворового женсовета, вечно сидящие на лавочке у подъезда добровольные помощницы участкового, присвоили нам почётное звание жениха и невесты. Уважаемые представительницы старшего поколения уже предвидели, как я вскоре после окончания средней школы мановением руки регистратора в ЗАГСе превращусь

из Тани Соколовой в Таню Орлову.

Нельзя сказать, что Саша был самым большим дворovým хулиганом. Но он всегда верховодил в компании пацанов из нашего дома и пользовался непререкаемым авторитетом у одноклассников. Женская половина класса строила ему глазки и отчаянно кокетничала. Ещё бы. Высокий зеленоглазый брюнет и обладатель спортивной фигуры, по праву считающийся самым симпатичным парнем во дворе и школе. Душа любой компании. Учился в музыкалке по классу гитары, поэтому легко мог очаровать гитарными переборами любую девчонку.

Я училась в той же Школе искусств, только по классу фортепиано, а также пела в хоре. Меня ценили за редкий низкий женский голос – контральто. Наше сближение началось с общего интереса к музыке.

Дело было летним вечером, делать было нечего. Каникулы только начинались. Во дворе собрались пацаны и девчонки. Посреди этой группы с гитарой в руках, перебирая струны, восседал Саша. На радость всем жильцам дома сей самодельный хор горланил песни российских рок-музыкантов. А я возвращалась домой из гостей.

– Эй, Соколова! – окликнул меня Саша. – Посиди с нами. Спой чё-нибудь.

– Что именно? – спросила я.

– Ну, не знаю, – ответил Саша. – Цоя могёшь?

– Попробую, – сказала я. – «Звезду по имени Солнце» мо-

жешь сыграть?

– Спрашиваешь, – пробурчал в ответ Саша, и гитара зазвучала в его руках.

И я запела: «Белый снег, серый лёд на растрескавшейся земле...». Текст и мелодия этой песни давно заучены наизусть. Саша начал подпевать. Следом к нам присоединились голоса других пацанов и девчонок. После «Звезды по имени солнце» дворовым хором были спеты «Группа крови», «Кукушка» и далее по списку. Затем очередь дошла до городского фольклора, который является довольно хорошо знакомым мне направлением музыкальной культуры. Всем понравился мой кавер песни «В доме восемь на Тверском бульваре». Когда-то давно её исполнял Владимир Маркин. Но текст у меня был немножко другим. Вместо повтора первого добавила последний куплет, который слышала в летнем лагере:

Снова листья клёна на бульваре
Распустились, словно на заре.
Что же ты со счастьем сделал, парень?
Самый симпатичный во дворе.
Что же ты со счастьем сделал, парень?
Самый симпатичный во дворе.

После тех посиделок я стала полноправной участницей и солисткой хора нашего двора. А через несколько дней мама отправила меня на лето в деревню к дедушке с бабушкой.

Всех детей и внуков они откармливали пирожками и натуральными молочными продуктами от нашей коровы. Никому и никогда не удавалось вернуться домой без существенной прибавки в весе. Первая же прогулка во дворе после моего возвращения продемонстрировала изменения в отношении ко мне со стороны наших пацанов. От меня не могли укрыться их заинтересованные взгляды в мою сторону. Но Саша, недолго думая, дал всем понять, что я являюсь его девушкой. Возражений с моей стороны не последовало.

Наступил новый учебный год, и Саша сел со мной за одну парту, согнав с насиженного места ботаника Юру Бочкарёва. Тот с ворчанием пересел на старое сашино место, рядом с Диной Коваленко. Что не являлось полностью равноценной для Юры заменой, поскольку у меня всегда можно было что-нибудь спросить, списать или получить подсказку. А склонность натуральной блондинки Дины к таким умственным усилиям существенно ограничивалась. Зато в искусстве стрельбы голубыми глазами с Диной сравниться не мог никто. И когда она улыбнулась Юре и выпустила в него пару очередей, тот быстро смирился со своей участью. Так близко к одной из самых красивых девочек в классе Юра ещё никогда не оказывался.

Распоряжением директора школы мы с Сашей, возглавляемые учителем пения, организовали школьную самодеятельность. Так наш дворový хор получил возможность перезимовать в комфортных условиях актового зала, и его не постигла участь скоропостижно распавшихся музыкальных коллективов.

Поначалу и учителя, и родители опасались, что наша столь тесная дружба может привести к желательным для демографии, но нежелательным для репутации семей и школы последствиям. Но я продемонстрировала уровень неприступности, которому могла бы позавидовать моя тёзка из произведения Александра Сергеевича Пушкина. Максимум, на который мог рассчитывать Саша – это держать меня за ручку, когда мы выходили из класса во время перемен, а также во время сопровождения меня в школу и обратно. Объятия допускались только на репетициях в присутствии учителя пения, если это требовалось для нужд школьной самодеятельности. Честно говоря, мне было очень непросто противостоять сашиней харизме и обаянию. И в попытках не допустить излишних вольностей с его стороны, я порой перестраховывалась и возводила более высокие стены между нами, чем того требовала ситуация.

И Саша начал действовать. Постепенно и не спеша, чтобы не спугнуть меня излишним напором, стал расширять границы дозволенных телесных контактов. Однажды после школы, когда мы с ним прощались у дверей квартиры, он вне-

запно поднёс мою руку к своим губам. Я замерла от неожиданности, замороженно наблюдая за тем, как Саша, с нежностью глядя в мои глаза, расцеловывает каждый пальчик на руке. Придя в себя, попыталась освободить руку. И он тут же её выпустил.

– Прости, Таня. Я не удержался, у тебя такие красивые руки, – произнёс он. В этот момент мы смотрели друг другу в глаза. Затем его взгляд скользнул к моим губам. – Пока.

– Пока, Саша, – с трудом выдавила я из себя. У меня в тот момент перехватило дыхание.

Я прислонилась к входной двери, когда услышала за спиной щелчок закрывающегося замка.

«И что теперь делать? Как мне реагировать? Но всё это было так мило, так романтично. В конце концов, не в гудбы же он меня поцеловал, – подумала я. – Это всего лишь невинный жест».

На следующий день Саша не предпринял никаких попыток повторить «невинный жест». Хотя я этого ожидала. И потом размышляла о том, почему он этого не сделал.

Знаешь, Илья, существует миф о том, что лягушка не сможет спастись, если её поместить в холодную воду и повышать температуру очень-очень медленно. Мне кажется, что нечто подобное произошло и со мной.

Через пару месяцев на репетициях школьной самодеятельности Саша уже мог сесть со мной рядом и совершенно спокойно, не опасаясь негативной реакции с моей стороны.

ны, обнять меня за талию. Также я не видела ничего предосудительного в поцелуях в щёчку на прощание. Привычным жестом для него стало отводить волосы от моего лица и потом проводить пальцами по щеке вниз, к подбородку. Всё это к тому моменту казалось мне совершенно естественным. Более того, это было приятно. Возникла потребность в таких проявлениях симпатии с его стороны. Если он просто прощался и уходил, я места себе не находила и не могла прекратить размышлять о том, что происходит. Начинала думать, что это из-за моего поведения или слов?

В октябре и ноябре, когда снег ещё не выпал, а дни уже короткие, наступает самый тёмный период года. Саша, как всегда, провозжал меня с репетиции школьной самодеятельности. Одной рукой обнимал меня за плечи и нёс мою сумку с учебниками в другой. У двери квартиры, возвращая её мне, привычным жестом отвёл волосы от моего лица. Его палец спустился по щеке к моему подбородку. А потом... Потом, глядя в мои глаза с нежностью, Саша вдруг обхватил моё лицо ладонями и быстро поцеловал в губы. Это было всего лишь лёгкое соприкосновение наших губ, после которого он отстранился и наблюдал за моей реакцией. А я молча смотрела в зелёный омут сашиных глаз, не зная, что сказать, чувствуя, как сильно бьётся в груди сердце. Саша предпринял попытку повторить поцелуй. Но получилось всего лишь коснуться губами подставленной мною щеки, затем отступить и сказать, как ни в чём не бывало:

– Пока, Танюша, увидимся завтра.

– До завтра, Саша, – попрощалась я с ним и скрылась за дверью квартиры.

«Что же теперь делать? – размышляла я, касаясь губ в том месте, где совсем недавно они соприкасались с сашиными. – Что будет дальше? Это начинает заходить слишком далеко». Его поведение меня пугало. Но отказаться от общения с Сашей я уже была не в состоянии.

Перед сном он прислал мне сообщение: «Спокойной ночи, Танюша. Целую твои сладкие губки». Раньше Саша всего лишь желал мне спокойной ночи. А тут такое.

«Спокойной ночи, Саша», – было в моём ответе.

«Если бы мама увидела эту переписку, она давно бы уже прочитала мне очередную лекцию на тему, что девушка должна беречь свою девичью честь до свадьбы. Надо каким-то образом объяснить Саше, что отправлять такие сообщения не есть хорошо», – размышляла я перед тем, как заснуть.

Несколько последующих дней Саша был пай-мальчиком. Только поцелуи в щёчку на прощание и только пожелание спокойной ночи в сообщениях. Без излишеств. Но потом опять сорвался. На этот раз сашины губы нежно обхватили мою нижнюю губу, и его язык скользнул по ней. Затем, оторвавшись от меня с тихим стоном, он стоял, не отнимая от меня рук. Непередаваемая нежность во взгляде зелёных глаз заставляла моё сердце биться свободолюбивой

птицей, проламывающей грудную клетку.

– Саша, не делай так большие, – сказала я тихим голосом, волевым усилием пытаюсь успокоить вспорхнувших бабочек и прекратить забег мурашек по коже.

– Прости, Таня. Я не знаю, что на меня нашло, – прошептал Саша, не отрывая взгляда от моих губ. – Твои губы такие красивые, такие сладкие. Мне лучше уйти. Пока, Танюша.

– Пока, Саша, – ответила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.